

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская
« ____ » _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ
МИРА В РОМАНАХ Т. ПРАТЧЕТТА**

Магистрант	_____	М.С. Макарова
Научный руководитель	_____	канд. филол. наук, доц. Ю.И. Детинко
Нормоконтролер	_____	О.Н. Варламова

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА	6
1.1. Подходы к определению языковой картины мира	6
1.2. Особенности национальной языковой картины мира.....	10
1.3. Методы описания национальной языковой картины мира.....	15
1.4. Параметры описания лингвокультуры.....	21
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	31
ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНАХ Т. ПРАТЧЕТТА	33
2.1. Т. Пратчетт как представитель британской лингвокультуры	33
2.2. Типология национально специфических языковых средств в романах Т. Пратчетта	38
2.3. Реализация стереотипных представлений о британской культуре через призму романов Т. Пратчетта	51
2.4. Репрезентация культурных параметров Г. Хофстеде в романах Т. Пратчетта	58
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	68

ВВЕДЕНИЕ

Любая человеческая деятельность неизменно связана с мыслительными процессами, которые воплощаются в языковую форму через те или иные понятия. Концепты и категории, составляющие концептосферу человека, образуют языковую картину мира индивида, которая, имея общие черты у различных представителей одной лингвокультуры, может быть охарактеризована как национальная языковая картина мира.

Актуальность и выбор темы данного исследования обусловлены, с одной стороны, интересом современной лингвистики к проблеме описания языковой картины мира в целом, а с другой – возросшим интересом к изучению различных аспектов национальной специфики языковой картины мира на материале работ конкретных авторов, в частности, являющихся яркими представителями определенных лингвокультур.

Целью работы выступает выявление, анализ и описание способов отражения национальной специфики языковой картины мира в романах Т. Пратчетта.

Гипотеза состоит в том, что в текстах, созданных Т. Пратчеттом как представителем британской культуры, отражена и выражена при помощи определенных средств национальная специфика британской языковой картины мира.

Реализация поставленной цели требует решения ряда конкретных задач:

- 1) проанализировать подходы к определению языковой картины мира;
- 2) представить особенности и составляющие национальной языковой картины мира;
- 3) рассмотреть методы описания национальной языковой картины мира;
- 4) изучить различные параметры описания лингвокультур;

5) описать типологию лингвокультурных единиц и проанализировать лингвистические средства, отражающие национальную специфику языковой картины мира в романах Т. Пратчетта;

6) изучить репрезентацию стереотипных представлений о Великобритании посредством лингвистических средств, представленных в романах Т. Пратчетта;

7) описать лингвистические средства репрезентации особенностей британской лингвокультуры в романах Т. Пратчетта через культурные параметры Г. Хофстеде.

Для достижения поставленной цели в ходе работы применены следующие *методы*: анализ научной литературы, описательный метод и метод историко-культурного и контекстуального анализа.

Объектом магистерского исследования является национальная специфика языковой картины мира определенной лингвокультуры.

Предметом являются способы репрезентации национальной специфики языковой картины мира в романах британского писателя Т. Пратчетта.

Теоретическую базу составили труды российских и зарубежных лингвистов в области изучения картины мира: Ю.Д. Апресяна, И.Л. Бурича, А. Вержбицкой, А. Зализняка, Г.В. Колшанского, О.А. Корнилова, М.В. Пименовой, З.Д. Поповой, Б.Л. Серебренникова, И.А. Стернина, Е.С. Яковлевой, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, а также V.Z. Mahon, W.D. Whitney, S. Sato; в области изучения культурно-коммуникативной вариативности: Л.В. Куликовой, G. Hofstede, E. Hall, R. Lewis; в области изучения концептуализации знаний: Н.Ф. Алефиренко, С.А. Аскольдова, Н.Н. Болдырева, А.А. Залевской, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина, Е.С. Степанова, И.А. Стернина, М.А. Тесленко, а также S.A. Gelman, R.W. Langacker, E. Rosch.

Материалом для исследования способов репрезентации национальной языковой картины мира послужили три первых романа британского писателя Т. Пратчетта из цикла «Городская Стража», а именно «Guards! Guards!», «Men at Arms», «Feet of Clay», общим объемом около 280 тысяч слов.

Теоретическая значимость данного исследования видится в возможности описания национально-культурного своеобразия национальных языковых картин мира различных лингвокультур и использования представленной методики исследования для изучения и описания способов, отражающих национальные языковые картины мира представителей различных лингвокультур.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов, наблюдений и выводов в преподавании курсов «Теория межкультурной коммуникации» и равным образом в спецкурсах, посвященных проблемам идентификации различий лингвокультур.

Апробация работы была осуществлена в 2017 году на международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», проходившей в институте филологии и языковой коммуникации СФУ.

ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

1.1. Подходы к определению языковой картины мира

Феномен, именуемый «картина мира», является таким же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. На создание целостного образа мира претендуют мифология, религия, философия, искусство. Начиная от эпохи античной философии и заканчивая временем создания натурфилософских теорий 19 века исторические попытки построения картины мира происходили в русле философских исследований. Тем не менее, реалья, называемая термином «картина мира», стала предметом изучения лишь в сравнительно недавнее время [Бурич, 2007: 67].

Термин «картина мира» был впервые употреблен Г. Герцем в контексте физической картины мира. М. Планк, также широко использующий термин «картина мира», понимал под физической картиной мира «образ мира», формируемый физической наукой и отражающей реальные закономерности природы [Планк 1984: 189; цит. по: Джеммер, 1985: 22].

Параллельно с разработкой понятия картины мира в рамках науки, картина мира изучалась в культурологических и лингвосомиологических работах. Специфика языковой концептуализации мира нагляднее всего представлена в том, что называют особенностями в языковом членении действительности, что можно объяснить этнонациональными различиями когнитивных мировосприятий. Языки различаются способом выделения значений, самим способом восприятия и осмысления мира. Эта идея в различных ипостасях и версиях развивалась во всех ключевых эпохах новейшей истории лингвистики. Восходит она к учению В. Гумбольдта о «внутренней форме» языка. Согласно его учению, различные языки являются различными мировидениями и специфику каждого конкретного языка обуславливает «языковое сознание народа», на нем говорящего [Гумбольдт, 1984: 159].

Концепция В. Гумбольдта имела многих последователей и продолжателей, занимавшихся в основном утверждением идеи о влиянии языка на мышление и мировоззрение людей. Самыми яркими ее сторонниками в 19 веке были В.Д. Уитни, отмечавший, что «каждый язык имеет свойственную только ему систему устоявшихся различий, свои способы формирования мысли, в соответствии с которыми преобразуются содержание и результаты мыслительной деятельности человека, весь запас его впечатлений, в том числе индивидуально приобретенных, его опыт и знание мира» [Whitney, 1874: 45] и Г. Штейнталь, ставивший развитие мышления в прямую зависимость от развития социальной среды, частью которой является язык.

Далее эта идея развивалась в деятельности американской школы этнолингвистики, представленной работами Э. Сепира, Ф. Боаса, Б. Уорфа. Э. Сепир отмечал, что «особенности языка очевидным образом отражаются во взглядах и обычаях народов» [Сепир, 1993: 45]. Эти мысли далее были развиты в гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Эта гипотеза была выдвинута в 1930-х годах Л. Уорфом на основе идей Э. Сепира.

Как научная, так и языковая картины мира представляют собой, по Б. Уорфу, «систему анализа окружающего мира» [Там же: 98]. Как в первом, так и во втором случае, данный термин означает моделирование мира, однако, между ними имеется и существенное различие: первая – результат деятельности ученых и отражает научное сознание, а вторая – результат деятельности рядовых носителей того или иного языка, которые этот язык и создали, и отражает обыденное сознание.

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, его взаимоотношения с миром. Картины мира чрезвычайно многообразны, так как это всегда своеобразное видение мира, его смысловое конструирование в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления. Картина мира

обладает исторической, национальной, социальной детерминированностью. Существует столько картин мира, сколько имеется способов мировидения, так как каждый человек воспринимает мир и строит его образ с учетом своего индивидуального опыта, общественного опыта, социальных условий жизни.

В отечественной лингвистической литературе с начала 90-х годов 20 века появился термин «языковая картина мира». Впервые данный термин был введен Л. Витгенштейном в работе «Логико-философский трактат», в котором картина мира была определена как дух народа, его мировоззрение, отраженное в языке [Витгенштейн, 1994].

Современные представления о языковой картине мира изложены в работах Ю.Д. Апресяна, И.Л. Бурича, А. Вержбицкой, А. Зализняка, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Е.С. Яковлевой и других ученых. Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает конкретная языковая картина мира, через призму которой человек видит мир. На основе анализа дефиниций Ю.Д. Апресяна, В.Н. Телия и Ю.Л. Воротникова можно охарактеризовать языковую картину мира, как определенный продукт сознания или фиксации национально-культурного наследия, который реализуется в результате взаимодействия мышления, действительности и языка.

У Ю.Л. Воротникова «языковая картина мира» имеет следующую трактовку понятия: языковая картина мира относится к числу тех «широких» понятий, обоснование применения которых не является обязательным, а еще точнее – является само собой разумеющимся [Воротников, 2003: 114].

С.Г. Тер-Минасова, описывая языковую картину мира, считает так: «Соотношение между реальным миром и языком можно представить следующим образом: Реальный мир, Язык, Предмет, Явление, Слово. Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка» [Тер-Минасова, 2000: 39]. Язык отражает действительность «через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» [Там же: 40]. Этот факт находит отражение в той картине мира, которую выстраивает народ средствами своего языка.

Любой естественный язык отражает обыденную классификацию реальности, которая существует в коллективном языковом сознании носителей конкретного национального языка. Даже за самыми неразвитыми языками, не имеющими собственного языка науки, признается «каротинообразующая» функция. Модель мира, выстроенная на материале этих языков, будет примитивнее выстроенных другими языками, но она будет полностью отражена в языковом сознании их носителей.

Механизм формирования языковой картины мира выглядит следующим образом: в актах мышления осуществляется переработка информации об окружающем мире. В сознании формируется более или менее целостная картина мира, которая в значительной мере детерминирует поведение человека.

При помощи естественного человеческого языка находят выражение языковые картины мира, которые создает человек в процессе познавательной деятельности, ведь человек постигает мир посредством лексической системы своего языка. Цитируя В.И. Постовалову, «при помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт» [Постовалова, 1988: 11].

По нашему мнению, наиболее полное определение исследуемому понятию дает А. Вержбицкая, которая считает, что «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире,

определенный способ концептуализации действительности» [Вержбицкая, 2000: 35].

Языковая картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, поскольку формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов. Именно на этом основании в современной науке язык определяется в качестве одного из ведущих признаков этноса. Но национально-культурная специфика устанавливается только на фоне общечеловеческого единства в мировосприятии: через анализ фактов языка открывается доступ к глобальному инвариантному образу мира, в котором высвечиваются универсальные, узловые понятия единого общечеловеческого межкультурного пространства. В языковой картине мира отражается и его ценностная оценка, как и по фактам языка можно проследить, каким образом в ней отражаются универсальные общечеловеческие ценности и ценности, отмеченные национальным и культурными кодами, совокупность которых и образует определенный тип культуры.

1.2. Особенности национальной языковой картины мира

В лингвокультурологии помимо понятия языковой картины мира существует также понятие национальной картины мира.

Следует отметить, что к рассмотрению национально-культурной специфики тех или иных аспектов или фрагментов картины мира исследователи подходят с разных позиций: одни берут за исходное язык, анализируют установленные факты межъязыкового сходства или расхождений через призму языковой системности и говорят о языковой картине мира; для других исходной является культура, языковое сознание членов определенной лингвокультурной общности, а в центре внимания оказывается образ мира.

Опираясь на исследования В.В. Воробьева, можно сказать, что развитие культуры происходит в недрах нации, народа в условиях безусловного существенного национального единства. Язык представляет собой воплощение неповторимости народа, своеобразия видения мира, этнической культуры. В мире не существует двух абсолютно идентичных национальных культур. Еще В. фон Гумбольдт говорил о том, что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями. В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации [Гумбольдт 1984: 57; цит. по: Воробьев, 1996: 11].

Каждый язык является, прежде всего, национальным средством общения и, по мнению Е.О. Опариной, в нем отражаются специфические национальные факты материальной и духовной культуры общества, которое язык обслуживает. Выступая в качестве транслятора культуры, язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности [Опарина, 2003].

Язык – это, прежде всего, инструмент для передачи мыслей. Он не есть сама реальность, а лишь ее видение, навязанное носителям языка, имеющимися в их сознании представлениями об этой реальности. Язык как основной хранитель этнокультурной информации является носителем и средством выражения специфических черт этнической ментальности.

По мнению В. фон Гумбольдта, характер нации сказывается на характере языка, а он, в свою очередь, представляет собой объединенную духовную энергию народа и воплощает в себе своеобразие целого народа, язык выражает определенное видение мира, а не просто отпечаток идей народа [Гумбольдт 1984: 57; цит. по: Воробьев, 1996: 11]. Менталитет и языковая картина мира взаимосвязаны и взаимообусловлены. Знания об идиоэтнических по своей сути ментальных мирах образуют языковую картину мира – своеобразную сферу существования культур [Апресян, 2006].

Изучение национальных языковых картин мира связывается с различной проблематикой, в частности, с выявлением разного рода пресуппозиций, выводных знаний и смыслов, с организацией речевого и неречевого воздействия, с достижением необходимого уровня коммуникативной компетенции и оптимизацией процесса межнационального общения [Томахин, 1980]. В целом, изучение национальных языковых картин мира способствует решению проблем соотношения языка и культуры, языка и мышления, языка и общества, языка и поведения, языка и обучения языку. Это определяется как теми функциями, которые выполняет язык в жизнедеятельности человека и общества, так и факторами, принимающими участие в формировании национальной языковой картины мира.

Возможно выделение двух групп культурно-маркированных репрезентантов национальной языковой картины мира:

- языковые единицы, отражающие формы социального взаимодействия: этнонимы, имена собственные, стереотипы, единицы, свидетельствующие о нарушении норм языка; а также коммуникативные сценарии: стратегии вежливости, перифрастические высказывания;
- языковые единицы, отражающие принципы категоризации действительности: языковые средства выражения культурных концептов, эксплицитные высказывания о различии национального мировидения, социокультурные коннотации, иноязычные включения, языковые образы.

Существование национальных языковых картин мира признается большинством ученых, например, Н.Д. Арутюновой, О.А. Корниловым, Г.В. Колшанским, а также В.Н. Телия. «Естественный язык отражает мир человека в его национально-специфических вариантах» [Арутюнова, 1995].

Так как основными структурными единицами языковой картины мира считаются концепты, своеобразной альтернативой термина «языковая картина мира» можно считать понятие концептосферы языка, введенное Д.С. Лихачевым. Концептосфера – совокупность концептов, из которых складывается миропонимание носителя языка. Отталкиваясь от совокупности

концептосфер отдельной личности, исследователь приходит к концептосфере национального языка, которая тем богаче и обширнее, чем «богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство» [Лихачев, 1997: 153].

Любая человеческая деятельность неизменно связана с мыслительными процессами, которые воплощаются в языковую форму через те или иные понятия. С момента своего рождения человек познает окружающий мир. Он учится узнавать предметы, соотносить их друг с другом, делать обобщения, обрабатывать и запоминать значительное количество информации, выражать результаты своей познавательной деятельности с помощью языка. Вся познавательная деятельность человека, или когниция, направлена на освоение окружающего мира и на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. В результате у человека формируются общие понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире.

Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (фиксированных в сознании человека смыслов). Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению.

Для обозначения системы знаний используется понятие «концептуальная картина мира», для отдельных ее частей – «концептуальная область, сфера» или «концептосфера» (например, концептосфера человека, концептосфера языка, национальная концептосфера и т.д.). Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами.

Содержание понятия, имеющего большое значение для культуры, называют концептом. Одним из основных способов изучения концепта

является его анализ, дающий возможность на примере одного объекта проследить ход когнитивных процессов в языке разных народов.

Концепты, как отдельные единицы, составляют определенную область знаний – категорию концептосферы человека. Однако, концептосферы разных народов обнаруживают существенные различия по составу концептов и по принципам их структурирования. Сопоставление семантических пространств позволяет получить определенные знания о концептосфере носителей этих языков.

В настоящее время изучение концептов является одним из самых привлекательных и перспективных исследований в лингвистической науке. Концепты рассматриваются в культурологическом, лингвистическом, философском и других аспектах, предлагается большое количество их интерпретаций, классификаций и методов исследования.

В лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова) концепт мыслится как «культурно-ментально-языковое образование», своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово [Степанов, 1998: 14].

В целом утверждение в лингвистике понятия «концепт» обозначило новую ступень в постижении способов, закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры, а, следовательно, выявило и новые аспекты взаимодействия лингвистики, когнитологии, культурологии, психологии, философии; расширило рамки содержательного анализа языковых явлений и придало значительно большую глубину и эффективность семантическим исследованиям.

Наше исследование строится в русле культурологического подхода, соответственно, как наиболее подходящие для данной работы, были выделены определения лингвокультурного концепта, данные Ю.С. Степановым: «...то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И... то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в

некоторых случаях и влияет на нее.» [Степанов, 1998: 78], Н.Д. Арутюновой: «аксиологически окрашенные и мировоззренчески ориентированные, культурно значимые единицы обыденного философского (преимущественно этического) сознания» [Арутюнова, 1999: 617–631], а также С.Г. Воркачевым «культурно отмеченные, вербализованные смыслы, представленные в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев, 2003].

Соответственно, лингвокультурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. Мы придерживаемся в основном философского подхода к определению концепта, и рассматриваем его как результат концептуализации знаний человека о культуре.

Национальная языковая картина мира определяется как система отраженных в языковой семантике образов, интерпретирующих опыт нации, говорящей на данном языке. Национальная картина мира определяет национальную языковую картину мира отдельно взятого этноса. Одной из центральных категорий лингвистики и одним из главных процессов, реализующих национальную языковую картину мира, является процесс концептуализации знаний. Национальная языковая картина мира отражает восприятие мира нацией, а также является крупнее языковой и включает ее в себя.

1.3. Методы описания национальной языковой картины мира

Можно обнаружить разнообразные подходы к изучению национальных языковых картин мира, что связано с многочисленностью критериев их выделения, закономерно отражающей как актуальность данной проблематики, так и многоаспектность изучаемого объекта. Одни подходы свойственны изучению не только национальных картин мира, но и остальных,

в том числе и менее сложных, языковых объектов. Другие подходы характерны исключительно для изучения исследуемого феномена.

1) При изучении национальных языковых картин мира, как и при изучении других языковых объектов, возможны:

- описательно-фиксирующий подход, при котором выявляются факты, констатируются сходства и различия;
- объяснительный подход, являющийся более предпочтительным, но, в то же время, и более сложным. Возможность его применения возникает на более продвинутом этапе, так как он базируется на описательном подходе, включая описание в качестве этапа первоначального [Апресян, 2006].

Для современного состояния лингвистики в отношении данного объекта изучения в большей мере характерен описательный подход. Несмотря на то, что огромное число авторов в своих исследованиях в той или иной мере касаются проблем национальной языковой картины мира, сложно обнаружить всеобъемлющую концепцию и выделить положения, которые являлись бы общепринятыми. В целом, теория национальной языковой картины мира находится в стадии накопления материала и осмысления полученных данных.

2) С точки зрения временного критерия традиционно выделяются:

- диахронический подход, когда объект изучается как изменяющаяся система в ее историческом развитии;
- синхронический подход, когда объект изучается в один период времени.

3) С точки зрения количества объектов, вовлекаемых в исследовательский процесс, можно выделить:

- реконструкцию национальной языковой картины мира на основе материала одного языка [Караулов, 1987];
- сопоставительный анализ национальных языковых картин мира.

4) Национальные языковые картины мира также изучаются с позиций различных наук:

- литературоведческий анализ;

Например, Г.Д. Гачев подходит к данной проблеме со стороны литературы, путем анализа ее национальной образности. Он исходит из того, что «у каждого народа, культурной целостности, есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира» [Гачев, 1988]. По его мнению, единый мир каждым народом видится вариативно, «в особой проекции», которая и названа национальным образом мира.

- психолингвистическое направление;

Национальное своеобразие картин мира изучается с привлечением данных психологии. Отмечается, что данное своеобразие проявляется в поведении человека, в том числе и речевом. Речевое поведение составляет предмет непосредственного интереса психолингвистики.

- историко-культурный подход;

Так, при реконструкции средневековой картины мира материалом исследования выступают произведения литературы и искусства соответствующей эпохи.

- философское направление, обсуждающее вопросы соотношения и взаимовлияния языковой и понятийной картин мира.

Так как в нашем исследовании применен описательный метод, рассмотрим его подробнее. Описательный метод относится к числу самых древних в науке о языке. Традиции описательного метода были заложены античными грамматистами и продолжены языковедами последующих поколений. По преимуществу описательными являются и современные грамматики.

Описательный метод и сегодня является ведущим приемом анализа языковых фактов в научной, учебной литературе, в многочисленных толковых словарях, энциклопедических изданиях и так далее. Для описания фактов часто используются рисунки, фотографии, карты, схемы, таблицы. В качестве лингвистического инструмента описания естественного языка используется метаязык.

Описательный метод по своей природе является преимущественно методом синхронического анализа. В лингвистике такая распространенность и «устойчивость» описательного метода связана, прежде всего, с его универсальностью: он позволяет исследовать отдельные единицы языка, различные его уровни, а также языковую систему в целом.

Важной составной частью описательного метода является наблюдение, сущность которого заключается в выделении единиц описания, их свойств, признаков, характеристик. Например, выделение различных групп лексики, грамматических свойств слов и так далее. Для этого важно определить круг источников, из которых будет извлекаться необходимый материал.

Обобщение как составная часть описательного метода сводится к синтезу подобных и повторяемых явлений, единиц наблюдения в одну более широкую категорию, в пределах которой они объединяются теми или иными признаками.

Еще одной составной частью описательного метода выступает интерпретация. Интерпретация относится к результатам наблюдения и представляет собой их толкование, установление места того или иного факта среди других фактов. Необходимо иметь в виду возможность различных интерпретаций одного и того же факта или результата.

Заключительным этапом описательного метода является классификация, которая базируется на распределении совокупности фактов относительно друг друга по определенным признакам. Результаты классификаций часто оформляются в виде таблиц, схем, приложений.

Также для изучения национальных языковых картин мира могут быть применены другие методы, использующиеся в истории и культурологии, и являющиеся междисциплинарными: например, методы культурно-исторического и контекстуального анализа.

Способ восприятия, анализа и оценки художественного произведения в рамках культурного и исторического аспектов носит название культурно-исторического метода, который сформировался во 2-ой половине 19 века на

базе философии позитивизма (Г. Спенсер, О. Конт). Ученые исходили из того, что наука должна основываться только на положительных фактах – тех, которые проверяются, достигаются лабораторно-опытным путем, и что наука должна накапливать и систематизировать факты, а не объяснять их, так как любая гипотеза субъективна, а потому – не научна. Принципы позитивизма распространились не только на естественные науки, но и на гуманитарные – лингвистику и филологию [Моль, 1963: 39].

Историко-культурный подход призван раскрыть закономерности развития культуры, принципы ее функционирования, взаимосвязь различных культур, отличающихся друг от друга пространственно-временными, этно-социальными, морально-политическими, научными и художественными характеристиками. Одним из итогов интенсивного изучения проблем культуры можно считать постепенно завоевавшую себе признание идею о необходимости системного изучения феномена культуры. Построение историко-культурного направления необходимо для изучения истории культуры общества, выявления не только повторяемости, но и различий в прохождении одних и тех же ступеней исторического развития разными народами, что дает методологическую основу для осмысления общего, особенного регионального, национального и единичного в культурно-историческом процессе. Историко-культурное направление может много дать и для ориентации в современной культурной ситуации, сложившейся в мире, для правильной интерпретации многообразных тенденций культурного развития в различных странах.

Значение любого текста нельзя истолковать с определенной долей уверенности без историко-культурного и контекстуального анализа. Культура дает код, позволяющий прочесть и понять произведение. Именно в поле культуры художественное произведение выражает и передает художественные идеи. Историко-культурный подход исходит из понимания художественного произведения как части духовной культуры. Культура – ключ к интерпретации произведения, поскольку оно возникает на основе

определенной культурной традиции и в ее русле социально осуществляется. Значащая единица художественного текста может быть понята только в культурном контексте.

Развитие историко-культурного подхода способствует построению истории культуры и побуждает к переосмыслению как методов исторического познания, так и исходных представлений об обществе как о социокультурном явлении на основе синтеза истории, социологии, философии, культурологии.

Рассмотрев историко-культурный контекст, остановимся на понятии контекста и на непосредственно контекстуальном методе анализа.

Словом «контекст» принято обозначать все то, что находится вокруг изучаемого текста, как в прямом, так и в переносном смысле. Р. Водак полагает, что понятие контекста включает в себя не только лингвистические особенности отдельно взятого текста, но и ситуацию, участников процесса передачи информации, их знания, культуру и ценности [Wodak, 2009: 93]. Рассматривая контекст как то, что окружает текст, возможно выделить три уровня контекста относительно текста: 1) уровень одного отдельного произведения / нескольких произведений одного автора; 2) уровень смыслового отрывка; 3) уровень ближайшего литературного контекста фразы, предложения или словосочетания [Залевская, 2001].

Выделяют также три основных этапа контекстуального анализа:

1) нахождение положения изучаемого текста в контексте всего произведения автора (или всех его произведений);

2) нахождение положения изучаемого текста в контексте смыслового отрывка;

3) нахождение положения изучаемого текста в контексте фразы, предложения или словосочетания.

Метод контекстуального анализа предполагает исследование языковых единиц в контексте. В основе метода лежит допущение о том, что различия в значении часто связаны с различиями в контексте.

Предметно-фактическая и понятийно-ценностная специфика национальной языковой картины мира находит своеобразное выражение в методах ее исследования. Изучение языковых и национальных картин мира позволяет выявить общее и особенное в подходах к их определениям и классификациям, предоставляя возможность использования выявленных характеристик для исследования в различных научных сферах.

1.4. Параметры описания лингвокультуры

В современной лингвистике все большую популярность приобретает понятие «лингвокультура», но в большинстве изученных источников отсутствует его определение как таковое. Пренебрежение дефиницией ключевого понятия может объясняться кажущейся самоочевидностью его внутренней формы: «культура, получившая выражение в языке». В свою очередь, понятия «культура» и «язык» в силу своей многоаспектности имеют множество дефиниций, что не может не создать проблему осмысления феномена лингвокультуры.

Соответственно, данное понятие имеет чрезвычайно широкую трактовку: в разных источниках в содержание лингвокультуры включаются образы, прецедентные тексты и имена, ценности, традиции, арсенал языковых средств и символов [Пожидаева, 2012]. Также достаточно разнообразны и аспекты рассмотрения лингвокультуры как компонента лингвокультурного поля национального языка, как члена оппозиции «родная / иноязычная», «исходная лингвокультура / лингвокультура перевода» и как эквивалента концептосферы.

Разностороннее осмысление данный термин получил в работах В.В. Красных. Лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык. Культура вслед за Э. Сэпиром понимается как «отобранный инвентарь опыта», «то, что данное общество делает и думает», а язык вслед за А.А. Леонтьевым – как

«единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования» [Леонтьев, 2014]. При этом каждая система, по словам ученого, изначально существует отдельно, а потому лингвокультура, возникающая на их пересечении, претендует на статус самостоятельной системы. В качестве содержания лингвокультуры предлагается рассматривать образы сознания, облеченные в языковые знаки [Красных, 2012: 47–50].

Язык – сложнейшее явление. Многие ученые писали о том, что черты языка индивидуальны, он имеет несколько структур, каждая из которых могла бы стать началом для возникновения целостной лингвистики. «Язык – многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д.» [Маслова, 2001: 5]. Рассматривая язык во всей его сложности с разных сторон, мы раскрываем самую его сущность.

Для того, чтобы полностью отразить все стороны языка, Ю.С. Степанов представил язык как сумму образов: язык как язык индивида, как член семьи языков, язык как структура и система, тип и характер, язык как компьютер, язык как пространство мысли и как продукт культуры [Степанов, 1998: 6]. В результате ученый представил язык как результат сложной когнитивной деятельности человека.

Язык является неотъемлемой частью культуры. В современной науке слово «культура» имеет два основных значения. Их отмечает Ю.С. Степанов в своей книге «Константы. Словарь русской культуры». Он рассматривает культуру как совокупность достижений людей во всех сферах жизни, которые рассматриваются не отдельно, а вместе, – в производственной, социальной и духовной. А также культура – это высокий уровень этих достижений, который соответствует современным требованиям [Степанов, 1985].

Однако понятие «культура» очень многозначно. Многие исследователи отмечают, что культура является своеобразным способом существования человека, она определяет жизнедеятельность личности и общества в целом, имеет свои как пространственные, так и временные границы, а также культура обнаруживается в особенностях поведения, в деятельности человека, в вещах, предметах, произведениях искусства, в языковых формах, символах и знаках [Алефиренко, 2003: 34].

Очевидно, что между культурой и языком есть тесная связь. Язык не может существовать вне культуры, а культура не способна развиваться без языка. С его помощью люди обмениваются информацией, научными знаниями, чувствами и эмоциями, передают и определяют свои идеи, символы, ценности и обычаи. Так усваиваются культурные нормы, благодаря которым человек может жить в обществе. По словам В.А. Масловой, «язык и культура, будучи семиотическими системами, имеют много общего: культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; культура и язык существуют в диалоге между собой; субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество» [Маслова, 2001: 6].

От наших предков мы наследуем язык как важнейшую часть культуры. Ее усвоение происходит именно посредством языка. Для того, чтобы понять сущность культуры – науку, литературу, музыку, живопись, религию, искусство в целом – нужно рассматривать эти явления в первую очередь со стороны языка, потому что только благодаря ему может произойти осмысление культуры [Там же: 8].

Цитируя С.Н. Трубецкого, Н.Ф. Алефиренко писал, что «культура – это продукт исторического коллективного сотворчества прошлых и современных поколений. Поэтому для нормального развития культуры необходим общий для них запас культурных ценностей, накопленный в родном языке, тот инвентарь лингвокультуры, благодаря которому эти ценности передаются от поколения к поколению» [Алефиренко, 2003: 14].

Итак, язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания [Маслова, 2001].

Взаимосвязью культуры и языка занимается такая научная дисциплина как лингвокультурология. Лингвокультурология – это раздел лингвистики, который возник на периферии лингвистики и культурологии, он исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Также эта дисциплина занимается проблемами, которые связаны с пониманием языковой картины мира, языкового сознания человека и культурного пространства языка. Одним из главных продуктов лингвокультурологии является лингвокультура. Лингвокультура – «языковленная культура», то есть культура, живущая в знаках языка, культура, «явленная нам в языке и через язык» [Красных, 2001: 115].

Лингвокультура – это культура, которая закреплена в знаках языка. Также ее понимают как единство культуры и языка, которое напрямую составляет предмет исследования лингвокультурологии. Главным понятием лингвокультуры является культурная коннотация, или коннотативное значение. В словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя отмечено, что коннотацией являются «добавочные стилистические и семантические оттенки, которые накладываются на основное значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски» [Розенталь, 1998]. Коннотация – это «созначение», которое несет в себе оценочный характер.

Таким образом, можно характеризовать лингвокультуру как своеобразный тип взаимосвязи культуры и языка, который проявляется как в области культуры, так и в области языка.

Выделение уровня социального взаимодействия в лингвокультурологическом рассмотрении процесса межкультурной коммуникации и его языкового воплощения проводится в двух направлениях.

Первое направление предполагает рассмотрение этапов формирования этнической идентичности, содержание которой «составляют разного рода этносоциальные представления, разделяемые в той или иной степени членами данной этнической группы» [Сорокин, 1993].

1-й этап: вербальная самоидентификация языковой личности, которая состоит в декларировании индивидом своей национальной принадлежности посредством этнонимов и имен собственных.

2-й этап: социализация языковой личности в рамках национальной культуры.

3-й этап: языковой этап формирования национального самоощущения индивида. Будучи частью культуры и отражением мировосприятия нации, язык выступает как средство защиты «своего» этнического пространства.

Второе направление в изучении уровня социального взаимодействия включает описание особенностей коммуникативного поведения. Предложенная система параметров для рассмотрения национально-культурных особенностей британского коммуникативного поведения на материале исследуемых романов позволяет проследить зависимость коммуникативного стиля от культурного измерения. В каждой культурной традиции существуют стереотипы на уровне моделей коммуникативного поведения, несовпадение которых наряду с различиями этнического (языкового) сознания коммуникантов может служить причиной непонимания при межкультурном общении.

Одними из основополагающих в области изучения особенностей лингвокультур являются параметрические модели культур в теории межкультурной коммуникации. Исследованием параметров культурно-коммуникативной вариативности занимались различные авторитетные исследователи: Г. Хофстеде, Э. Холл, Р. Льюис, Ф. Тромпенаарс и другие.

Так, например, американский антрополог Э. Холл сравнивает культуры в зависимости от их отношения к контексту. Он определяет контекст как информацию, окружающую и сопровождающую событие, как то, что

вплетено в значимость происходящего [Hall, 1976: 73]. Большая часть информации при высококонтекстном общении уже известна человеку, и лишь незначительная ее часть представлена в словах, в закодированном, выраженном внешне способе коммуникации.

Высококонтекстные культуры – это культуры, в которых многое определено неязыковым контекстом: иерархией, статусом, внешним видом. Вся необходимая дополнительная информация уже заложена в сознании людей, и без знания этой скрытой информации интерпретация сообщения будет неполной или неверной, поскольку в языках высококонтекстных культур используется много намеков, скрытых значений, фигуральных выражений.

Низкоконтекстные культуры – это культуры, в которых большая часть информации содержится в словах, а не в контексте общения, люди открыто выражают свои желания, намерения, не предполагая, что их можно понять из ситуации общения. При этом наибольшее значение придается речи (письменной и устной), а также обсуждению деталей: ничего не остается неназванным и недоговоренным. Предпочтителен прямой и открытый стиль общения, в котором вещи называются своими именами.

Кроме проблемы контекстуальности культуры в теории Э. Холла значительное место отводится исследованию вопроса об использовании времени представителями различных культур. По его мнению, время является важным показателем темпа жизни и ритма деятельности, принятым в той или иной культуре. В зависимости от способа использования времени культуры следует разделять на два противоположных вида: монохронные и полихронные.

Монохронное использование времени означает, что действия осуществляются последовательно, одно за другим, в течение определенного времени. В соответствии с этим время представляется как прямолинейный путь, который ведет из прошлого в будущее.

Полихронное время понимается не как прямолинейный путь, а как некий узел переплетения многих проблем, поэтому оно менее ощутимо. В культурах полихронного типа большую роль играют межличностные, человеческие отношения, а общение с человеком рассматривается как более важное действие, чем принятый план действий. Поэтому представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем. Пунктуальности и распорядку дня в этих культурах не придается большого значения [Hall, 1976: 74].

Однако следует учитывать, что теория Э. Холла не объясняет все поведение: в рамках одной и той же культуры могут встречаться как высококонтекстные, так и низкоконтекстные сообщения, люди или монохронная и полихронная манера поведения, речь идет лишь о типичном или доминирующем типе взаимодействия.

Другой метод описания культур, предложенный британским ученым Р. Льюисом, разделяет культуры на три типа: моноактивные, полиактивные и реактивные.

Моноактивные культуры допускают выполнение только одного дела в единицу времени. Поэтому представители моноактивных культур планируют свою жизнь в определенной последовательности и составляют расписания, иногда на несколько месяцев и даже лет вперед. Раз назначенное событие уже не может быть отменено, время движется линейно из прошлого через настоящее в будущее. Представители таких культур о прошлом стараются не думать, детально планируют настоящее и беспокоятся о будущем.

Полиактивные культуры допускают выполнение нескольких дел одновременно. В таких культурах событие может быть легко отменено или передвинуто.

В реактивных культурах время движется не линейно, а по кругу, в соответствии с естественными природными циклами: восходом и заходом солнца, сменой времен года. Вместо того, чтобы решать проблемы последовательно, одну за другой, проблема может быть переосмыслена.

После периода размышлений об одном деле, другие могут оказаться более важными, некоторые могут быть исключены. А задача, ранее не предусматривавшаяся, может оказаться самой главной. Представители таких культур не огорчаются упущенной возможности – когда время закончит свой цикл и вернется в исходную точку, они будут мудрее и более подготовлены [Lewis, 1996].

Однако, наибольший отклик в нашем исследовании нашла модель описания культур голландского ученого Г. Хофстеде, в связи с чем мы рассмотрим данную модель более подробно. Г. Хофстеде – ученый, долгие годы проработавший на промышленных предприятиях, почетный доктор организационной антропологии и международного менеджмента в университете Лимбург в Голландии и основатель Института исследований международного сотрудничества. Большинство его теорий строились на масштабном шестилетнем научно-исследовательском проекте 1960-1970-х годов в международной корпорации HERMES, позже переименованной в IBM. Он разработал модель различий между культурами различных наций. По своей модели Г. Хофстеде определяет культуру как «коллективная ментальная запрограммированность, часть предопределенности нашего восприятия мира, общая с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающая нас от представителей других наций, регионов и групп» [Hofstede, 1984]. Первоначальная теория предлагала четыре аспекта, по которым можно было бы анализировать культурные ценности, именно ее мы используем в нашем исследовании:

Дистанция власти. Степень неравенства между людьми, которую население считает допустимой или нормальной. При этом малая дистанция власти характеризуется относительным равенством в обществе, при котором руководитель и подчиненные – это коллеги (Великобритания, Австрия, США, Германия), а большая показывает постоянно существующую иерархию как норму (Франция, Бельгия, Япония, Латинская Америка).

Индивидуализм / коллективизм. Индивидуализм предполагает, что человек, находясь в обществе, сам заботится о себе, как и сам несет за все свои действия полную ответственность. Ожидается, что встав однажды на ноги, индивид уже не будет получать защиты от своей группы, и она не будет нести за него ответственность. Поэтому он не должен проявлять сильную лояльность по отношению к группе (Великобритания, Германия, Канада, США). В коллективистских обществах людям с детства прививают уважение к группам, к которым они принадлежат, обычно к семье, роду, клану или организации. Члены группы ожидают, что группа защитит их и будет нести за них ответственность. За это они обязаны платить лояльностью и помощью группе в течение всей жизни (Япония, Испания, Греция, Австрия).

Маскулинность / фемининность. Отражает, как люди данной культуры относятся к ценностям, которые ассоциируются с ролью мужчин: настойчивость, самоуверенность, конкуренция, лидерство и т.д. (Великобритания, Ирландия, Австрия, США). В фемининных обществах, как для мужчин, так и для женщин, доминирующими являются ценности, традиционно ассоциируемые с женскими ролями: скромность, приоритет человеческих взаимоотношений по сравнению с деньгами, помощь другим. В этих обществах симпатии, как правило, отдаются слабым. Преуспевающий индивидум в фемининном обществе обычно вызывает подозрение (Россия, Норвегия, Голландия, Япония).

Терпимость неопределенности. Показывает, как общество и его отдельные члены относятся к тому, что вынуждены жить в условиях неопределенности. Общества со слабым неприятием неопределенности подготавливают своих членов к принятию неожиданных событий и добиваются ослабления их давления на человека (Великобритания, США, Дания, Ирландия). Общества с сильным неприятием неопределенности настраивают своих членов на попытки контролировать будущее; для таких обществ характерна повышенная нервозность людей, которые, сбиваясь с

намеченного пути, демонстрируют излишнюю эмоциональность и агрессивность (Германия, Бельгия, Перу, Япония).

Г. Хофстеде подчеркивает, что измерения культур являются лишь основой, помогающей оценить конкретную культуру для облегчения принятия решений. Существуют и другие факторы, подлежащие рассмотрению, например, личные качества, семейная история и личное благосостояние. Предложенные измерения не могут предсказать поведения отдельных индивидов [Hofstede, 1984].

Параметры культур, описанные в параметрических моделях различными учеными, могут быть применены к исследованию национальных языковых картинах мира и отражены в текстах лингвистическими способами и средствами, что возможно выявить, опираясь на тексты, созданные представителями исследуемых культур. Таким образом, тексты могут выступать в качестве средства моделирования национальной языковой картины мира, выраженной лингвистическими единицами, так как автор текста привносит в него особенности своей лингвокультуры посредством языковых средств.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

На основании анализа теоретического материала были сделаны следующие выводы. Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, лингвисты справедливо утверждают, что концептуальная система человека, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру, задает нормы его поведения. Выражаемые в языке значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая является обязательной для всех носителей языка. Возникает «пространство значений», то есть закрепленные в языке знания о мире, национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, то есть национальная языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Одной из центральных категорий лингвистики и одним из главных компонентов, составляющих национальную картину мира, является лингвокультурный концепт – сложное психическое образование, система которых образует концептосферу языка. Психический процесс, формирующий концепты в сознании человека, называется концептуализацией – это процесс осмысления поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире.

Взаимосвязь культуры и языка изучается в рамках лингвокультурологии, одним из главных продуктов которой является лингвокультура, закрепленная в знаках языка культура, также понимаемая

как единство культуры и языка. Одними из основополагающих в области изучения особенностей лингвокультур являются параметрические модели культур в теории межкультурной коммуникации. Культурные параметры, типичные для представителей определенных культур, находят свое отражение в национальных языковых картинах мира представителей этих культур.

ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНАХ Т. ПРАТЧЕТТА

2.1. Т. Пратчетт как представитель британской лингвокультуры

Сэр Теренс Дэвид Джон Пратчетт, более известный как Терри Пратчетт (1948–2015) – популярный британский писатель.

Наибольшей популярностью пользуется его цикл сатирического фэнтези о Плоском мире (Discworld). Суммарный тираж его книг составляет около 50 миллионов экземпляров. В феврале 2009 года Т. Пратчетт был посвящен английской королевой Елизаветой II в рыцари-бакалавры, оставаясь при этом офицером ордена Британской империи.

В 11 лет он поступил в High Wycombe Technical High School, школу с техническим уклоном. В 13 лет его первый рассказ «The Hades Business» был напечатан в школьном журнале, а двумя годами позже, в 1963 году, опубликован в журнале «Science Fantasy».

В 1965 году Т. Пратчетт решил окончить образование и, посоветовавшись с родителями, покинул школу, устроившись журналистом в местную газету «Bucks Free Press». Эта работа привела его на интервью с Питером ван Дареном, одним из директоров небольшого издательства «Colin Smythe Limited».

В 1982 году издательство «New English Library», издававшее до этого романы Т. Пратчетта в мягких бумажных обложках, отказалось от сотрудничества с автором из-за плохих продаж. Питер ван Дарен сумел заинтересовать в издании Диану Пирсон из издательства «Corgi» и в 1983 году вышел роман «The Colour of Magic», первый роман самого популярного цикла Т. Пратчетта – Плоский мир. Д. Пирсон организовала шестисерийный сериал на радио BBC в передаче «Woman's Hour», имевший ошеломляющий успех.

В том же 1987 году, закончив роман «Mort», Т. Пратчетт решил оставить работу в SEGВ и посвятить все свое время писательской

деятельности. Книги Т. Пратчетта стремительно становились бестселлерами, завоевывая все большую популярность. В 1996 году романы «Maskerade» и «Interesting Times» попали в британскую десятку бестселлеров. В 1998 году Т. Пратчетт был удостоен звания Кавалера Ордена Британской Империи за вклад в литературу.

13 декабря 2007 года в прессе была опубликована информация о том, что Т. Пратчетт болен редкой формой болезни Альцгеймера, но Т. Пратчетт продолжал работу над новой книгой и старался относиться к ситуации «философски и со сдержанным оптимизмом». Т. Пратчетт умер 12 марта 2016 года в возрасте 66 лет.

Цикл Плоский мир (к настоящему времени насчитывающий 40 романов, 4 рассказа, 3 справочника и одну поваренную книгу) это сатира, начинавшаяся как пародия на жанр фэнтези и превратившаяся в совершенно независимое от жанра произведение.

Материалом для выявления способов репрезентации национальной языковой картины мира в нашем исследовании послужили три первых романа Т. Пратчетта из цикла «Городская Стража», входящий в цикл «Плоский мир», а именно «Guards! Guards!», «Men at Arms», «Feet of Clay». Общий объем исследуемого материала составил примерно 280 тысяч слов.

Богатая и разнообразная культура Великобритании очень многогранна в связи со слиянием четырех отдельных государств, которые сохранили свои древние традиции. Культура Великобритании затрагивает каждый аспект развития всемирной культуры, будь то наука, литература, музыка или литература. Великобритания всегда славилась талантливыми творческими людьми, которые завоевали всемирную известность.

Развитая во многих сферах экономика Великобритании занимает по своим размерам 6 место в мире и второе в Европе, уступая лишь Германии. Несмотря на то, что Великобритания считается частью Евросоюза, она сохранила свою историческую валюту – фунты стерлинги, равные 100

пенсам, так же как и свою особую систему мер, отличающуюся от метрической.

Одной из самых важных особенностей Великобритании является стремление к сохранению традиций и истории этноса. Из всех существующих добровольных обществ особым уважением и почетом пользуются те, что оберегают какие-либо вещи или здания от разрушений и исчезновений. Все это говорит о неповторимой уникальности этой культуры, для которой традиции находятся на первом месте. Все обычаи и традиции Великобритании тщательно сберегаются местным населением, практически не изменяются и передаются из поколения в поколение. Британцы часто живут воспоминаниями о былом имперском величии и с трудом скрывают недовольствие тем фактом, что им приходится жить по европейским законам [Осипов, 1987].

Великобритания – государство с богатой историей и многовековыми традициями. С невероятным упорством британцы стараются придерживаться за обычаи двухсот или трехсотлетней давности и следуют им из поколения в поколение. Слово «старый» для британца равноценно надежности, это считается достоинством, способном компенсировать абсолютно все сопутствующие «старости» недостатки. Старинные родовые замки, античные университеты, известнейшие британские пабы, а также королевская семья, считающаяся предметом пристрастного интереса и самолюбия британского общества – все это составляет уникальную британскую культуру [Там же].

Британцы – очень сдержанная культура. Их обычаи несут сухость в собственных рассуждениях при беседе с собеседником. Они стараются не показывать свои чувства всем вокруг, но, несмотря на это, они очень коммуникабельные люди. Британский размеренный ритм жизни породил несколько особенностей и обычаев, ставших стереотипными. Так, например, одно из самых популярных увлечений в Великобритании – садоводство. Настоящий британец не сможет представить дом без аккуратного садика рядом. Это особенный обычай, который почитается и уважается всеми. Для

обнаружения лучшего садика возле домов проводятся специальные конкурсы. Британец, победивший в таком конкурсе, может по праву гордиться собой и быть счастлив. Т.В. Тернопол пишет, что небольшие садики есть у каждого британского дома, что сад составляет с домом единое целое. Находясь в своем саду, британец чувствует, с одной стороны, единение с прекрасной природой, а с другой – ничем не нарушаемую приватность, что и составляет английский идеал [Тернопол, 2011]. Сюда же можно отнести наблюдение за птицами, или любительскую орнитологию, которая по сути является наблюдением и изучением птиц невооруженным глазом, либо при помощи бинокля. Помимо визуального наблюдения данная деятельность также включает в себя прослушивание пения птиц и ведение полевых дневников. Стремление к спокойствию и неторопливости порождает в британцах терпимость к длинным очередям и любовь к разговорам о погоде для того, чтобы занять время и заполнить паузы при общении с малознакомыми или совсем незнакомыми людьми [Чернышев, 2016: 39].

Другое уже ставшее стереотипным представление о Великобритании гласит, что британцы являются нацией, часто посещающей пабы. Такое мнение частично правдивое. Британцы разных возрастов и социальных классов действительно регулярно наведываются в пабы. Некоторые посещают их раз в неделю, а для кого-то это «второй дом». Культура британских пабов очень широко распространена – не говоря о большом их количестве, каждый паб изобретает различные средства для привлечения посетителей. Так, в небольших пабах широко распространены, казалось бы, непопулярные в век высоких технологий развлечения – шашки, шахматы, дартс [Там же: 42].

Опираясь на параметры культурно-коммуникативной вариативности в теории межкультурной коммуникации, британской культуре можно дать достаточно подробное описание. Так, по теории Э. Холла, Великобритания является представителем монохронной культуры, то есть британцы приписывают времени вещественную стоимость: его можно потратить,

экономить, потерять, наверстать, ускорить. Тем самым оно становится системой, с помощью которой поддерживается порядок в организации человеческой жизни. Исходя из того, что британцы способны заниматься только одним видом деятельности в определенный отрезок времени, они вынуждены «закрывать» в своем собственном мире, в который другим людям нет доступа, и при этом британцы не любят, если их прерывают в процессе их деятельности. В то же время британская культура является культурой, в которой практически отсутствуют неформальные информационные сети, что делает ее представителем низкоконтекстной культуры. Межличностные контакты у британцев строго разграничены, представители этой культуры не смешивают личные отношения с работой и другими аспектами повседневной жизни. Следствиями этой особенности оказываются слабая информированность и большая потребность в дополнительной информации при общении.

По теории Р. Льюиса, Великобритания представляет собой моноактивную культуру, в которой принято планировать свою жизнь, составлять расписание, организовывать деятельность в определенной последовательности, занимаясь только одним делом в данный момент, что также делает ее схожей с монокронной культурой.

Опираясь на модель культурной вариативности Г. Хофстеде, британская культура может быть определена как культура с низкой дистанцией власти, так как в Великобритании характерно построение отношений на основе равенства, уважения к личности; как маскулинная, так как для британцев наиболее важны присущие «мужским» культурам качества, такие как соперничество, уверенность в себе, целеустремленность, приверженность материальным ценностям и нацеленность на достижение результата любой ценой; как индивидуалистская, так как британцы тяготеют к личностным целям, к осознанию себя как «я», к защите частных интересов и к связям между отдельными личностями, а не между социальными группами; как культура с высокой терпимостью неопределенности, так как

для британцев характерно проявление личной инициативы, приемлемость ими риска, спокойное принятие разногласий и иных точек зрения.

Британцы – культура, характеризующаяся как ценящая свое время, с вниманием относящаяся к индивидуальным ценностям, а также бережно хранящая традиции и устои, укореняющиеся веками. Для британцев важно сохранить и проявить свою неповторимость, показать, что история их нации для них является ценным ориентиром, а не забытым прошлым. Представители британской культуры стремятся находиться в гармонии с самими собой, с другими людьми и с природой, при этом с вниманием относясь к традициям, которые отчасти помогают им сохранять свой этнический менталитет.

2.2. Типология национально специфических языковых средств в романах Т. Пратчетта

Каждый человек принадлежит к определенной национальной культуре, включающей в себя национальные традиции, язык, историю, литературу. Лингвистика как наука, изучающая общие процессы языка, вполне закономерно и традиционно обращается к вопросам культуры как вспомогательному материалу для более глубокого проникновения в суть языковых явлений. Взаимоотношение языка и культуры представляется как фактор взаимного развития и существования. Так, Т. Пратчетт, как представитель британской культуры, привносит свою национальную языковую картину мира в создаваемый им текст посредством различных средств, которые мы разделили на следующие тематические группы:

- Имена собственные
- Национальные реалии
- Прецедентные феномены
- Историзмы и архаизмы
- Бранная лексика

Рассмотрим данные тематические группы более подробно.

Имена собственные

Имена собственные играют особую роль и чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. От нарицательных слов их отличает тенденция к универсальности использования. Таким образом, имена собственные становятся опорными точками в межъязыковой коммуникации и тем самым, в изучении национальной языковой картины мира. В своей изначальной языковой среде имена собственные обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка.

В имени – сосредоточение физиологических, психических, логических, диалектических сфер. В лаконичной, сжатой форме имя может выразить, обозначить очень широкое, много вмещающее понятие. Имя предмета – арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, познающего и познаваемого.

В Великобритании при рождении ребенок получает два имени: личное имя и среднее имя. Более важным считается первое имя. Под термином «личное имя» понимается «индивидуальное наименование субъекта», официально закрепленное за ним при рождении. Из всех ономастических категорий личные имена были первыми, зафиксированными в документах [Радченко, 2005].

Широкое распространение в Великобритании имеют имена, принесенные норманнами: *William, Richard, Robert, Hugh, Ralph*, древнеанглийские и средневековые имена: *Edgar, Alfred, Emma, Arthur, Lancelot, Rosabel*, а также библейские имена *John, Peter, Simon, Luke* – для мальчиков и *Mary, Joan, Agnes* – для девочек. Английские писатели не только способствовали увеличению популярности ряда имен, но и сами создавали новые имена. Благодаря В. Шекспиру в широкое употребление вошли такие имена, как *Silvia, Celia, Juliet, Jessica, Ophelia, Viola*. Под влиянием романов В. Скотта, поэзии С. Колриджа, А. Теннисона, Дж. Байрона получают

распространение следующие имена: *Christabel, Rowena, Cedric, Minna, Diana, Roland, Hugh, Walter*. В настоящее время в репертуаре британских собственных имен преобладают старые, освященные традицией имена [Там же].

В романах Т. Пратчетта описывается выдуманный мир, в котором живут не только люди, однако большинство людей в произведениях писателя носят традиционные британские имена, регалии и титулы:

Caddie, Lance, Edward;

Lord Venturii, Sir George.

Лорд – официальный титул в Великобритании, первоначально использовавшийся для обозначения всех принадлежащих к сословию феодалов-землевладельцев. Сэр – почётная приставка к имени тех британцев, кто имеет личное рыцарство, титул баронета или членство в рыцарском ордене в ранге рыцаря.

Автор время от времени сам указывает на типичность имен и на большое количество людей, их носящих:

They were generally called Sara or Jessica, and all looked exactly the same; One of the Interchangeable Emmas gave a giggle...

Отдельно можно отметить имена, показывающие исторические реалии, а именно век королей, что соотносится с определенным периодом в британской истории и с именами монархов. Используются традиционные способы наименования королей в Великобритании, нашедшие отражение в произведениях Т. Пратчетта при описании монархов, в частности, использование порядкового номера правителя:

Queen Alguinna IV, King Veltrick III;

эпитета, описывающего характер монарха:

Homicidal Lord Winder, Lorenzo the Kind;

а также сатирические прозвища, даваемые монархам подданными:

Webblethorpe the Unconscious, Deranged Lord Harmoni, Laughing Lord Scapula.

Интересно отметить, что некоторые из имен правителей, представленных в романах, являются точными копиями имен действительно существовавших и правивших в Британии монархов:

Ethelred the Unready, Alfred the Great, Sweyn I Forkbeard.

Эти короли правили в Англии в 9–10 веках.

Имена собственные в романах Т. Пратчетта представлены в основном именами существительными с эпитетами.

Национальные реалии

Реалия – предмет, вещь, материально существующая или существовавшая. В лингвистике реалиями называют слова и выражения, обозначающие эти предметы, а также устойчивые выражения, содержащие в себе такие слова.

Некоторые реалии обладают сходством с именами собственными, а также иногда являются отклонением от литературной нормы – к ним относятся, например, диалектизмы, элементы сниженного стиля (просторечия), жаргонизмы.

Отличительными чертами реалии являются характер ее содержания (связь обозначаемого предмета с определенной страной, народностью, социальной общностью) и принадлежность ее к определенному периоду времени. На основе этих признаков исследователями были предложены предметная и временная классификация реалий. Так, предметные реалии подразделяются на:

- Географические реалии: названия объектов физической географии; названия объектов, связанных с деятельностью человека; названия эндемиков (виды, роды, семейства животных и растений, представители которых обитают на относительно ограниченном ареале): *Bristol, Liverpool.*

- Этнографические реалии (понятия, принадлежащие быту и культуре народа): бытовые; трудовые; наименования понятий искусства и культуры; этнические понятия; меры и деньги: *penny, pub.*

- Общественно-политические реалии: понятия, связанные с административно-территориальным устройством; наименования носителей и органов власти; военные; наименования организаций, званий, титулов, сословий: *chivalry, peerage*.

В плоскости одного языка следует рассматривать свои и чужие реалии, которые, в свою очередь подразделяются на национальные (известные всем жителям государства, всему народу), локальные (принадлежащие одному наречию или диалекту), микролокальные (характерные для определенной местности).

Национальные реалии – это предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы. Реалиями называют слова и словосочетания, обозначающие их. Большинство национальных реалий относится к безэквивалентной лексике. Также национальные реалии определяются как элементы национальной системы понятий, существующие в рамках явлений и объектов данной народности и получившие свое отражение в языке.

Можно сделать вывод, что основной чертой национальной реалии является ее колорит. В романах Т. Пратчетта используется множество национальных реалий различных типов. Например, географические реалии, связанные с деятельностью британцев:

gold mine, sheepdog, swineherd.

Речь идет о средневековье, когда натуральное хозяйство, скотоводство и физический труд имели огромное значение для выживания людей, также как и умение жить в гармонии с природой и брать от нее то, что нужно для жизни.

Также встречаются названия эндемиков различных видов:

roosting starlings, seals, delphiniums, thistle.

Основной ареал обитания встречающихся в романах Т. Пратчетта растений и животных часто приходится на Британские острова и

прилежащие территории, что делает названные виды флоры и фауны легкоузнаваемыми для британцев.

К этнографическим реалиям можно отнести названия сословий, характерных для Британии, такие как:

knights, chivalry, royalty.

Рыцарство – братство, привилегированное военно-землевладельческое сословие в Западной Европе в средние века. Посвящение в рыцари расценивалось как королевская награда за государственную службу. В Великобритании право посвящать в рыцари было прерогативой короны.

Широко распространена также лексика, выражающая бытовые реалии:
hand-me-down pants, wine cellar, wool of Ramtop sheep.

Важно отметить, что речь идет скорее о средневековом укладе жизни в Великобритании, когда британцы жили на лоне природы, занимались натуральным хозяйством, держали скот и проживали в небольших домах большими семьями. Отсюда берет начало лексика, реализующая определенные помещения в таком доме, такие, как винный погреб, а также реалии жизни в большой семье, например вещи, передающиеся от старших детей к младшим.

Важно отметить и единицы измерения, меры и денежные единицы, использующиеся в созданном автором мире. Пространство и время являются формой существования объективного мира, всех его объектов, событий, происходящих в нем, базовыми компонентами жизни и сознания человека. Соответственно, важнейшими категориями этнической культуры становились представления о пространстве и времени как основополагающих понятиях, определяющих бытие человека, общества, окружающего мира.

Пространство и время в языковой картине мира носителей различных языков включает различный набор средств для своего выражения. Наше восприятие пространства, осознание пространства и представление о пространстве с необходимостью включают в себя некоторые пределы. Воспринимать, осознавать и мысленно представить себе бесконечную, ничем

не ограниченную величину человек не способен. Само понятие бесконечности является лишь умозрительным конструктом, и в его основе лежит не положительный признак, а его отрицание, снятие естественно заданного признака, признака конечности. Концептуализация пространства может осуществляться с помощью различных языковых средств, в том числе существительных с пространственной семантикой, широко представленных в английском языке.

You're six foot six, lad – he's only five foot!

...whose family for the last three generations hadn't travelled more than twenty miles.

Three pounds that amulet cost me!

...while that penny-pay system had its fine points.

В романах Т. Пратчетта используется британская система мер и традиционно британские денежные единицы.

Национальные реалии в произведениях Т. Пратчетта выражены лексическими средствами: именами существительными, именами прилагательными, именами числительными, кратко описывающими концептуальные единицы знания британцев.

Прецедентные феномены

Каждая национальная культура уникальна, так как включает в себя национальные традиции, язык, историю, литературу. Лингвистика как наука, изучающая общие процессы языка, вполне закономерно и традиционно обращается к вопросам культуры как вспомогательному материалу для более глубокого проникновения в суть языковых явлений. Все исследователи, изучающие взаимообусловленность языка и культуры исходят из положения, что взаимоотношение языка и культуры представляется как фактор взаимного развития и существования. Современные тексты насыщены национально-культурными стереотипами; которые являются важным фактором доступности и восприятия текстов для читателя, так как он

стремится понять новую культурную среду, показанную в тексте, сравнивая ее феномены с феноменами родной или мировой культуры.

Прецедентные феномены – феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности. Прецедентные феномены играют огромную роль в межкультурной коммуникации.

Несовпадения национальных инвариантов восприятия прецедентных феноменов часто становятся источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Изучение картины мира носителей языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи.

Состав прецедентных феноменов подвижен. Одни прецеденты устаревают и выпадают из употребления, другие приобретают дополнительные смыслы и таким образом способствуют появлению новых прецедентных феноменов. Развитие общества, смена моральных ценностей также влияют на изменения в составе прецедентных феноменов. Основные признаки феноменов прецедентности:

- хорошо известны всем представителям национального лингвокультурного сообщества;
- актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане (за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета);
- апелляция к прецедентным феноменам постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества.

В романах Т. Пратчетта встречаются прецедентные феномены, имеющие важное историческое и культурное значение для Великобритании. В основном они относятся к средневековому периоду истории Великобритании, времени королей и эре рыцарства. Например:

True king could pull a sword from a stone,

является прямой отсылкой к древней легенде о мече в камне, который смог вытащить только король Артур, истинный король Англии.

...servants who rolled a purple carpet down the steps.

Прецедентный феномен, указывающий на время правления королей, когда пурпурный цвет в Великобритании считался цветом королевской власти и престижа.

Прецедентные феномены выражены способом внесения их в ближайший контекст романа, при котором окружающий их текст оттеняет их смысл и делает данные феномены более заметными и значимыми.

Историзмы и архаизмы

Историзмы – слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением соответствующих понятий. При необходимости назвать какое-либо уже исчезнувшее явление, предмет, вещь, представители различных культур прибегают к историзмам, так как в современном языке они синонимов не имеют.

Историзмы – названия устаревших, не встречающихся в современной действительности вещей, явлений, понятий. Это могут быть названия предметов старого быта, названия общественно-политических явлений прошлого, чинов, должностей, наименование видов старинного вооружения, предметов воинского снаряжения и т.д.

Историзмы употребляются в различных стилях литературного языка для обозначения понятий определенной эпохи. В настоящее время историзмы в большинстве своем употребляются только в произведениях художественной литературы, в юриспруденции, философии, географии и истории. Употребление историзмов в современном языке имеет свою

специфическую особенность: оно, в первую очередь, обуславливается желанием передать колорит прошлых веков и придать речи поэтичность и торжественность. Таким образом, историзмы – это то, что характеризует эпоху. Эти слова устарели вместе с явлениями или предметами, которые они описывают, и являются устаревшими единицами речи. Самое существенное отличие историзмов от архаизмов – это наличие синонимов в ныне используемом языке. Различают три типа архаизмов: грамматические, словообразовательные и семантические.

Грамматическими архаизмами являются формы слов, ныне не употребляемых в связи с изменениями в грамматическом строе языка, поэтому следует их отличать от словообразовательных и семантических, а также от лексических историзмов. К словообразовательным архаизмам относятся слова, занимающие место устаревших слов такого же корня. Отличие может заключаться в аффиксах или, наоборот, их отсутствии. Характерными примерами могут служить следующие пары:

beauteous – beautiful; darksome – dark; even – evening; morn – morning; oft – often.

Возможны и архаизмы семантические. Они имеют место тогда, когда с появлением у слова новых значений старое или одно из старых значений отмирает. Поэтому у семантических архаизмов всегда есть омонимы. Например:

pray является архаизмом в значении «пожалуйста», но не является таковым в значении «молиться»;

fair – «прекрасный» – архаизм, *fair* – «белокурый» – слово современного языка;

maid – «девушка» – архаизм, современное значение слова *maid* – «служанка».

Т. Пратчетт использует историзмы и архаизмы достаточно активно: нами выявлены, среди прочих, грамматические архаизмы, например, формы

глагола во 2-м лице единственного числа настоящего времени с окончанием ~st:

knowest, speakest,

а также местоимения 2-го лица единственного числа:

thou, thee, thy, thine.

Историзмы и архаизмы встречаются и в репликах персонажей:

Thou watchest the last ooziings, hours by hours.;

Thee sitting careless on a granary floor.

Важно отметить, что Т. Пратчетт использует историзмы и архаизмы, бывшие ранее используемыми словами английского языка, а не заимствования. Их использование в репликах персонажей достаточно частотно и показывает образованность и высокопоставленность людей, произносящих эти реплики, а также подчеркивает серьезность и значимость момента. Историзмы и архаизмы всегда выражены лексическим уровнем языка.

Бранная лексика

Без разговорной окрашенной лексики при изучении национальной языковой картины мира обойтись невозможно. Эта лексика составляет достаточно весомую, совершенно неотъемлемую часть лексикона. Знакомство с разговорной лексикой необходимо, чтобы понимать обиходную речь и овладеть важной частью лингвострановедения – расшифровать подтекст, остроту, ассоциативный план высказываний.

Бранная лексика привлекает своей экспрессией, образностью и многозначностью, и расценивается как спонтанная реакция на определенные события или ощущения. Однако, часто бранные слова и лексика теряет свою силу и экспрессию, так как употребляются часто и звучат в кино, на телевидении, на радио [Ларина, 2002].

Т. Пратчетт использует обценный сленг в репликах персонажей для придания экспрессии и эмоциональной окрашенности ситуациям, в которых находятся герои. Важно отметить, что используется преимущественно

бранная лексика, характерная для Британии. Самым ярким примером можно считать слово *bloody*. На данный момент *bloody* прочно вошло в разговорную общеупотребительную британскую речь и выражает сильную досаду и раздражение. Самое распространенное и чисто британское выражение – *bloody hell*, появилось в Британии с 18 века. Согласно этимологическому словарю, оно впервые было употреблено в литературе английскими писателями в 1740-е годы, Д. Свифтом и Г. Филдингом, и до 20 века считалось табуированным из-за своей излишней экспрессивности.

Do you need this bloody book or not?;

...you bloody well just find another street.

В романах цикла «Городская стража» данное выражение произносится персонажами достаточно часто, так же как и производные от него.

Используются также восклицания раздражения, досады:

crap, bloody hell,

и другие британские классово-уничижительные а также иные ксенофобные высказывания, обычно из уст людей по отношению к другим расовым меньшинствам или к людям низкого социального класса:

being such a knobhead.

Knobhead – оскорбительное высказывание, применяющееся к людям, все делающим неправильно, все путающим, всем мешающим.

everyone knows they're just tiny muppets;

plonker.

Muppet и *plonker* – означают лексемы *fool, stupid*, являются синонимами русскоязычного слова «дурак».

...that oik.

Oik – простой рабочий, человек из низшего класса. Образовано от междометия *Oi!*, которое переводится как оклик «Эй!». В целом для выражения обценной лексики Т. Пратчетт использует лексику, а именно имена существительные и имена прилагательные.

Каждый народ на протяжении своей истории, создавая свою собственную культуру, формулировал и свои собственные представления об устройстве мироздания. Т. Пратчетт показывает свою принадлежность к британской культуре, привнося в свои произведения национальные реалии, характерные для географической местности и исторического устройства государства, и соответственно, сформировавшиеся в британской национальной языковой картине мира, которая выражается в романах Т. Пратчетта с помощью лингвистических средств, а также называет своих персонажей именами, характерными для британской культуры, которые возникли в процессе исторического пути нации, при этом некоторые из них являются пародиями на действительно живших в Великобритании исторических личностей. Прецедентные феномены также являются важной частью лингвокультуры, и Т. Пратчетт использует феномены, знакомые и привычные ему, для создания богатого культурно-окрашенного мира в своих произведениях. Британские читатели, а также те, кто близко знаком с британской культурой и историей, с легкостью декодируют подобные прецедентные феномены. Для создания стилистически окрашенного текста и ярких запоминающихся персонажей Т. Пратчетт нередко прибегает к использованию историзмов, архаизмов, а также бранной лексики. Важно отметить, что Т. Пратчетт применяет историзмы и архаизмы, бывшие ранее используемыми словами именно английского языка, а не заимствования лексики из других языков. Обсценный сленг является достаточно сильным средством выражения эмоций и достаточно осторожно используется Т. Пратчеттом в его произведениях. Такие высказывания обычно тщательно отобраны автором для нужного эффекта и четко выражают эмоцию и психологическое состояние персонажей. Большинство бранной лексики является хорошо известным британскому обществу, что не создает проблем при ее декодировании читателем.

2.3. Реализация стереотипных представлений о британской культуре через призму романов Т. Пратчетта

Восприятие людьми друг друга осуществляется сквозь призму сложившихся стереотипов. Встречаясь с представителями других народов и культур, люди обычно имеют естественную склонность воспринимать их поведение с позиций своей культуры. Непонимание чужого языка, символики жестов, мимики и других элементов поведения часто ведет к искаженному истолкованию смысла их действий, что легко порождает целый ряд негативных чувств: настороженность, презрение, враждебность. В результате такого рода межкультурных конфликтов обнаруживаются наиболее типичные черты, характерные для того или иного народа или культуры. Так постепенно складываются стереотипы [Корнеева, 2008].

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как мыслительный стереотип, который коррелирует с картиной мира. Е. Бартминский считает, что языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором существуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей [Бартминский, 1996]. В.А. Маслова считает, что стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [Маслова, 2001: 110].

Применительно к межкультурной коммуникации принято различать гетеростереотипы, то есть внешние стереотипы, которые сложились у

представителей одной культуры о другой, и автостереотипы, другими словами, мифы о самих себе, существующие внутри данной культуры.

Гетеростереотипы – совокупность оценочных суждений о других народах. Они могут быть как положительными, так и отрицательными в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов. Автостереотипы формируются под влиянием литературы, средств массовой информации, традиционного и современного фольклора. Мифы о самих себе не могут не оказывать влияния на формирование индивидуальной культурно-языковой личности из желания «соответствовать» представлению, которое сложилось у представителей определенной культуры. Автостереотип и гетеростереотип – не автономные единицы, а структурно взаимосвязанные компоненты единого целостного образования личностного или группового самосознания.

Стереотипные представления о Великобритании также воплощаются в романах Т. Пратчетта, при этом часто являются утрированными самим автором, что показывает, что он преднамеренно привносит их в тексты романов.

Так, любовь и интерес британцев к королевской семье и глубокое уважение к эпохе королей со всеми сопутствующими ей реалиями часто выражено как в прямых репликах персонажей, так и в контексте отдельных смысловых отрывков, что сближает данные стереотипные представления с прецедентными феноменами:

Scions, they're called. They go lurking around in the distant wildernesses for ages, handing down the secret sword and a crown-like birthmark and so forth from generation to generation. Then just when the old kingdom needs them, they turn up and turf out any usurpers that happen to be around. And then there's general rejoicing.

Гиперболизированное и гипертрофированное описание сути легенд о королевских наследниках, которые считаются пропавшими без вести в течение многих десятилетий, и приходят только тогда, когда народ особенно

ждет их появления и нуждается в них, при этом имея неоспоримые доказательства принадлежности к королевской династии, которые никто не смеет подвергать сомнению, является яркой чертой и часто заглавным мотивом британских историй, песен и сказок.

"There was once a golden age, when those worthy of command and respect were justly rewarded. An age when Ankh-Morpork wasn't simply a big city but a great one. An age of chivalry." – "Are you talking about when we had kings?" "And knights."

Британцы уважают королевскую семью и бережно хранят традиции, истории и легенды, связанные с ними. Средневековье, эра королей и рыцарей, является ярким примером и предметом гордости британцев.

"The royal blood cannot be watered down!"

Пример, иллюстрирующий, что для британца является оскорблением поставить под сомнение легитимность короны, и соответственно, недопустимым поступком.

Также Т. Пратчетт реализует стереотип о британцах, любящих посещать пабы. Его персонажи часто посещают очень похожие на пабы места и другие питейные заведения, в одиночку или компаниями, часто для общения и развлечения:

"...she's probably thinking, I expect he's having a quiet game of dominoes with beer or something..."

Настольные игры в пабах популярны в Великобритании и сегодня, как были распространены и раньше.

Также герои Т. Пратчетта посещают пабы и с целью напиться до беспамятства:

...started to cry gently into his beer;

He was vaguely aware that he drank to forget. What made it rather pointless was that he couldn't remember what it was he was forgetting any more. In the end he just drank to forget about drinking.

По данным ВВС, британцы являются нацией, достаточно активно употребляющей алкоголь, а в 2004 году это стало национальной проблемой. Т. Пратчетт нередко описывает персонажей, злоупотребляющих спиртным, или просто любящих выпить.

В романах Т. Пратчетта также часто реализуется стереотип о садоводстве:

...the magnificent parks and gardens that they designed with almost god-like power and foresight, thinking nothing of making lakes and shifting hills and planting woodlands to enable future generations to appreciate the sublime beauty of wild Nature transformed by Man.

Автор здесь описывает садоводство как глобальный процесс изменения и формирования человеком природы вокруг себя, но не в целях использования ее для своих материальных нужд, а с эстетической точки зрения. Единение с природой, ее красотой и спокойствием, является важной частью жизни британцев.

При этом автор сам нередко высмеивает стереотип о садоводстве, иронизируя о нем или намеренно его искажая:

"Odd job, sir. Gardening and carpentry and that.",

характеризуя работу садовником эпитетом *odd*, и соответственно, человека, занимающегося садоводством, выпадающем и выглядящем странно на фоне коллектива людей, которые обычно ничем похожим не занимаются. Так британское увлечение садоводством может выглядеть странно для представителей иных культур, не ведущих подобной деятельности.

For example, they contained the ornamental trout lake, one hundred and fifty yards long and, because of one of those trifling ambitions that were such a distinctive feature of Bloody Stupid's designs, one inch wide.

Искажение нормы в контексте описания необычных числовых измерений в процессе создания сада в данном случае указывает на чрезмерное желание создать что-то необычное, никогда не существовавшее ранее, а именно пруд в саду длиной сто пятьдесят ярдов, но шириной всего

один дюйм. Здесь гиперболизируется желание владельца выделиться, показать свой сад, как самый уникальный, даже если он при этом выглядит достаточно странно и крайне далек от природного идеала.

Внимание британского автора к традициям и в целом всему старому можно проследить в описаниях величественных старых домов, огромных университетов, маленьких пыльных магазинов:

...can readily be proved by anyone who has been around a really old-fashioned secondhand bookshop, one of those that look as though they were designed on a bad day and has more staircases than storeys and those rows of shelves which end in little doors that are surely too small for a full-sized human to enter.

Несмотря на небольшой размер и неудобную планировку старинного книжного магазина, у подобного здания существует сохранился свой дух, своя атмосфера, что британцы очень ценят в старых зданиях, часто отказываясь перестраивать или ремонтировать их.

В романах также можно встретить аллюзию на Лондон и на другие старые британские города, которые является прообразом места действия романов:

Ankh-Morpork, oldest and greatest and grubbiest of cities. A thin drizzle dripped from the grey sky and punctuated the river mist that coiled among the streets;

A sprawling place, home to a million people, greatest of cities on the Discworld, located on either side of the river Ankh, a waterway so muddy that it looks as if it is flowing upside down.

Длинная история города, его древность, множество жителей, дождливая погода и грязная река – Т.Пратчетт описывает город снисходительно, но с любовью, как можно говорить о своем доме. Т.В. Тернопол пишет, что дом, с точки зрения британцев, состоит из здания и из той атмосферы, ауры, которой его наполнили обитатели. Британцы

привязаны не к строению и земле, на которой оно стоит, а именно к духу своего дома [Тернопол, 2011].

Понятие британского юмора также является одним из стереотипных представлений о Британской лингвокультуре и воплощается автором в игре слов. Существуют разные определения юмора и его видов, таких как шутка, ирония, пародия, сарказм, цинизм и другие. Все они имеют общие признаки и, в то же время, определенные различия. Юмористические высказывания и образы, как правило, имеют скрытый смысл, доступный для восприятия тех, кто обладает чувством юмора. Д. Гольдштейн пишет, что «...юмор – это такое состояние сознания, такая тенденция, которые наделяют человека способностью видеть скрытую смысловую нагрузку и связи между вытесненными эмоциями и идеями, способностью преобразовывать их в социально приемлемые, свободные формы» [Goldstein, 1983].

В современной литературе представление о языковой игре относится к области речевого общения, а сама языковая игра рассматривается как «украшательство» речи, которое обычно носит характер остроты, шутки, каламбура и применяется для комического эффекта. Феномен языковой игры объясняется стремлением к экспрессии речи.

Игра слов – высказывание, основанное на нарочитой или невольной двусмысленности, порожденной омонимией или сходством звучания и вызывающее комический эффект. Другими словами, каламбур – это игра слов, построенная на столкновении привычного звучания с непривычным и неожиданным значением. При помощи игры слов можно не только выделить ту или иную часть высказывания, но и выразить оценку (юмористическую, сатирическую). Использование игры слов в той или иной функции обусловлено намерением коммуникатора. Экспрессивная и характерологическая функции обеспечивают передачу, прежде всего, экспрессивной, эмоциональной и эстетической информации; их можно считать стилистическими функциями игры слов. Информативно-значимая

функция связана с процессом передачи и восприятия сообщения; она является проявлением коммуникативной функции игры слов.

В настоящее время определение игры слов представляет небольшую трудность, так как ученые не пришли к единому мнению в этом вопросе. Некоторые лингвисты объединяют это понятие с понятием каламбура. Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию. Омонимия и паронимия чаще всего используется при создании игры слов, однако существует немало других способов ее создания.

Т. Пратчетт прибегает к игре слов для создания эффекта сатиры, а также для пародии феномена британского юмора. Многие из рассмотренных случаев игр слов были заимствованы из известных произведений или британского народного фольклора, а также используются для создания комического эффекта, неожиданных ситуаций и реакций, и для того, чтобы выставить персонажей в нелепом свете:

"I did not object to this object." – he stuttered.

Лексический повтор омонимичных слов, а именно глагола и существительного, показывает персонажа как индивида с ограниченным словарным запасом, или потерявшем способность свободно мыслить, например, от страха, что создает комический эффект игры слов, понятной британцам.

Did you hear about that ol' blind carpenter who picked up his hammer and saw?

Также игра слов, проявляющаяся больше в устной речи в связи с омонимичным звучанием существительного *saw* и глагола прошедшего времени *saw*, на письме может показывать неграмотность персонажей, при этом генерируя игру слов, подкрепленную действующим лицом *blind carpenter*, делающим игру слов очевидной, создает уникальный эффект британского юмора.

Игра слов является уникальным феноменом, присущим британскому юмору, и часто остается полностью понятной лишь британскому менталитету, так как с трудом поддается переводу и сложна для понимания индивидов, не мыслящих в рамках британской национальной языковой картины мира.

Стереотипные представления о Великобритании являются неотъемлемой частью национальной языковой картины мира британцев. Подводя итог вышесказанному, Т. Пратчетт часто описывает стереотипные представления о Великобритании в рамках контекста своих художественных текстов, используя стереотипизацию как способ реализации национальной языковой картины мира, делая стереотипные представления полноценной частью мира в своих романах, часто с эффектом пародии для более яркого их восприятия и декодирования читателем, знакомым с данными стереотипами.

2.4. Репрезентация культурных параметров Г. Хофстеде в романах Т. Пратчетта

В рамках эксперимента, в романах Т. Пратчетта нами были также выявлены лингвистические средства, через которые можно наблюдать реализацию культурных параметров Г. Хофстеде, которые характерны для британской культуры и выражают национальную специфику языковой картину мира британцев – в результате была обнаружена многократная репрезентация данных культурных параметров.

Так, характерный для британской культуры параметр «малая дистанция власти» выражен частыми диалогами персонажей с представителями групп высшей или низшей иерархии, их представлениями о власти и иерархичности в целом. Разница между социальными группами не является критической, а в случае возникновения вопросов к непосредственному начальнику можно обратиться напрямик – в культурах с большой дистанцией власти действовать так было бы грубо и непозволительно.

They were never quite sure whether the Grand Master meant he'd deal with it now. Or just deal with it briefly. But it never hurts to ask.

В данном примере с помощью парцелляции показана твердая уверенность в том, что неясные моменты всегда можно разрешить с помощью вопроса, тем самым демонстрируя доступность высокопоставленного собеседника.

They thought about it. And then you could see them turning the idea around and thinking about it the other way, in a polite effort to see what the hell he was getting at.

Синонимы, устойчивое сочетание слов и лексический повтор выражают непонимание и осуждение действий вышестоящего лидера, что возможно только при малой дистанции власти.

"King has to marry a princess, too," said Brother Doorkeeper. "On account of him being a swineherd."

Антитеза выражает сходство двух совершенно различных социальных классов, которые могут найти общий язык.

Индивидуализм, как один из параметров британской культуры, также часто показывается в репликах персонажей, в их предпочтениях действовать в одиночку, так как индивидуализм предполагает, что человек, находясь в обществе, сам заботится о себе, как и сам несет за все свои действия полную ответственность:

"You have to know all the laws," he said virtuously, "to be a good officer. Ain't no one is going to help ya with this."

В данном примере реализована инверсия, усиливающая эффект отрицания, что создает еще больший барьер и непонимание между одним человеком и остальным миром, показывая, что социальная группа не несет ответственность за индивида.

I shall form a new secret society of keen-minded and intelligent men, although not too intelligent of course, not too intelligent.

Лексический повтор *not too intelligent* отражает мысли персонажа, считающего себя выше и достойнее других, который не намерен разделить с ними свои планы.

...he came under no outside influences at all. He just came under the influence of himself.

Лексический повтор указывает на слабую зависимость индивида от его социальной группы, когда он сам отвечает за свои действия и прислушивается только к себе.

Colon literally couldn't wait to escape this meaningless small talk and to rush back to his beloved tuba. "I tell them, I work all day, a man's got to have some time to learn to play the tuba."

Противопоставление категорий работы и отдыха, желание персонажа побыть в одиночестве и посвятить время себе одному, хоть обычно он и находится в обществе людей, отражает британское понятие о необходимости человеку личного пространства и времени, проведенному с самим собой.

Важно отметить, что реплики принадлежат персонажам разного возраста, рас и точек зрения. Индивидуализм как параметр британской культуры находит свое отражение в различных ситуациях и в отношении персонажей к ним, так как их создатель, автор, сам являющийся ярким представителем британской культуры и носителем данного культурного параметра, переносит его на своих персонажей.

Параметр «маскулинность» выражен в частых конфликтах и противостояниях:

Dwarfs have no use for metaphor and simile. And were sure they are the most fearsome, as well.

Эпитет *fearsome* выражает опасность и силу, черты, характерные для маскулинной культуры.

The Grand Master hesitated. This was quite true, but he wasn't going to admit it, not in front of his sworn enemy, at least.

Лексический повтор отрицания показывает твердое намерение не признавать свои ошибки назло сопернику.

"Being a guard will make a Man of me."

Синонимичная лексика соотносит понятия воина и мужчины как равнозначных.

Частые споры и внутренние противоречия персонажей в основном построены на конкуренции, грубой силе и нежелании уступать, что характерно для маскулинных культур.

Заключительный параметр, «высокая терпимость неопределенности», ярко показан в легком принятии персонажами изменчивости их жизни:

Life is just chemicals. A drop here, a drip there, everything's changed.

С помощью сравнения показано, что жизнь постоянно меняется, что для автора это естественно, и что опасаться этого не следует.

...because waiting implies expectation.

Waiting и *expectation* реализованы в тексте в качестве синонимов, что показывает интерес к неясному будущему, а не его нежелательность.

Then Carrot washed his face, donned his leather shirt and trousers and chainmail, buckled on his breastplate and, with his helmet under his arm, stepped out cheerfully, ready to face whatever the future would bring.

Синтаксический параллелизм указывает на методичные, выверенные действия уверенного в себе человека, который готов встретиться с неизвестным.

This is all what you have to do, you walk along the Streets at Night, shouting, It's Twelve O'clock and All's Well. I said, "What if it is not all well," and he said, "You bloody well just find another street."

Лексический повтор здесь показывает спокойное отношение к проблемам, которые могут возникнуть неожиданно, как и лексема *just* имеет значение легкости и в данном контексте выражает готовность персонажей к незапланированным действиям.

Что-то новое воспринимается персонажами скорее как интересное, а не как опасное – отношение, свойственное представителям культур с высокой терпимостью неопределенности.

Таким образом, национально-специфические особенности британской культуры реализуются в работах Т. Пратчетта и могут быть «измерены» культурными параметрами Г. Хофстеде. Данные параметры репрезентированы с помощью лексических и стилистических языковых средств.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

На основании анализа эмпирического материала можно сказать, что романах Т. Пратчетта наблюдается разноуровневая вербальная самоидентификация автора как представителя британской лингвокультуры, которая прослеживается в выражении автором своей национальной принадлежности к британской культуре посредством использования имен собственных и этнонимов, которые географически и исторически принадлежат к британской культуре, а также посредством введения в произведение прецедентных феноменов, четко ассоциируемых с британской культурой, а также хорошо известных ее представителям, общенной лексики, характерной для британцев, как и демонстрации стереотипных представлений о Великобритании автором в тексте.

Являясь частью британской культуры и отражением мировосприятия нации, Т. Пратчетт, как представитель британской лингвокультуры, использует в текстах своих романов национально специфические языковые средства, отражающие британскую национальную языковую картину мира.

Так, национальные реалии, характерные для Британии, в том числе система мер, денежные единицы и традиционные британские имена, говорят о том, что автор переносит свою национальную языковую картину мира на создаваемый им текст. Важно отметить, что используются преимущественно лингвистические средства и прецедентные феномены, характерные для английского языка и британского сознания. Так, Т. Пратчетт использует игру слов для создания эффекта сатиры и пародирования британского юмора, а общенный сленг – для придания экспрессии и эмоциональной окрашенности ситуациям, в которых находятся герои. Правильное и уместное использование прецедентных феноменов, значимых для британской культуры, и соответственно, для британского автора, в познавательном и эмоциональном отношениях, придает персонажам и описаниям национальное своеобразие. Историзмы и архаизмы, бывшие ранее используемыми словами

английского языка, задействованы в репликах персонажей, показывая этим торжественность их речей, а также подчеркивая принадлежность автора к британской национальной языковой картине мира. Важно отметить, что автор часто описывает стереотипные и типичные представления о Великобритании, делая их полноценной частью мира в своих романах, время от времени с эффектом пародии.

Способы проявления языковых средств варьируются от лексического уровня до уровня контекста. На лексическом уровне чаще всего проявляются имена существительные, обозначающие национальные реалии, имена, бранную лексику, историзмы и архаизмы, и имена прилагательные, встречающиеся как в именах собственных, так и в обценном сленге. Уровень ближайшего контекста характерен для прецедентных феноменов, тогда как стереотипные представления показаны на уровне смысловых отрывков.

В текстах, созданных Т. Пратчеттом как представителем британской культуры, отражена национальная специфика британской языковой картины мира. Опираясь как на использованные языковые средства, так и на параметрическую модель культуры Г. Хофстеде, возможно показать, что характерные для Великобритании национально специфические языковые единицы, стереотипные представления о Великобритании, а также черты британской культуры, выраженные разноуровневыми лингвистическими средствами, четко прослеживаются в произведениях британского писателя Т. Пратчетта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью работы выступило выявление, анализ и описание способов отражения национальной специфики языковой картины мира в романах Т. Пратчетта. В нашем исследовании мы рассмотрели национальную специфику языковой картины мира, которая была определена, как исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Любая человеческая деятельность неизменно связана с мыслительными процессами, которые воплощаются в языковую форму через те или иные понятия. Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире. Мы придерживаемся философского подхода к понятию лингвокультурного концепта, и определяем его как то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Национальная языковая картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, поскольку формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов. Национальная языковая картина мира изучается с различных позиций, но мы придерживаемся описательного подхода, применяя также культурно-исторический метод и метод контекстуального анализа в рамках междисциплинарного исследования.

В нашем исследовании было рассмотрено творчество Т. Пратчетта, как представителя британской культуры, обладающей своими характерными чертами и особенностями. Гипотезой явилось представление о том, что в текстах, созданных Т. Пратчеттом как представителем британской культуры, отражена и выражена при помощи определенных средств национальная

специфика британской языковой картины мира, и эта гипотеза нашла подтверждение в данном исследовании.

В первых трех романах цикла «Городская Стража», используемых в качестве материала для исследования, были выявлены языковые средства, отражающие национальную специфику языковой картины мира британцев. В романах Т. Пратчетта можно наблюдать многократное проявление типичных для британской культуры и языка лингвокультурных единиц, в том числе традиционных британских имен собственных (*Emma, Edward*); системы мер и денежных единиц (*mile, foot, penny*); исконных английских историзмов (*thou, mon*) и архаизмов (*pray, speakest*); национальных реалий, имеющих британский национальный колорит (*sheepdog, thistle*); прецедентных феноменов, хорошо известных всем представителям британской национально-культурной общности (*to pull the sword from the stone*); бранной лексики, пришедшей из английского языка (*bloody, oik*). Также были представлены лингвистические средства реализации культурных параметров Г. Хофстеде, характерных для британской культуры, и способы отражения в контекстах романов некоторых стереотипных представлений о Великобритании через различные языковые средства.

На основе нашего исследования можно сделать вывод, что национальная специфика британской языковой картины мира репрезентируется в текстах, созданных Т. Пратчеттом, как представителем британской культуры. Национальная специфика языковой картины мира находит свое отражение в национально специфических языковых средствах лексического уровня, свойственных для употребления или понимания британцами с исторической и культурной точек зрения; в описании автором прецедентных феноменов и стереотипных представлений, прослеживаемых на уровне ближайшего контекста и на уровне смысловых отрывков исследуемых романов, где стереотипизация выступает важным способом выражения британской национальной языковой картины мира; а также в реализации культурных параметров Г. Хофстеде, характерных для

британской культуры, через лексические и стилистические средства. Данные способы репрезентируют национальную специфику языковой картины мира в романах британского писателя Т. Пратчетта.

Перспективой дальнейшего исследования видится возможность описания своеобразия национальных языковых картин мира различных лингвокультур и использования представленной методики исследования для изучения и описания лингвистических средств, отражающих национальные особенности представителей различных лингвокультур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
2. Апресян В.Ю. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы Языкознания. М.: 1995. Вып. 1. С. 57 – 59.
3. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 2006. 912 с.
4. Арутюнова Н.Д. Введение. Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3 – 7.
5. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. М.: 1995. С. 3 – 19.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Архипов И.К. Картина мира, живой язык и классификация его системы // Вопросы романо-германской филологии (лексикология, грамматика и текстология). Пятигорск, 1994. С. 3 – 7
8. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 267 – 279.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
10. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.
11. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. Вып. 2. С. 5 – 17.
12. Бурич И.Л. Философия современного естествознания. М.: Аспект, 2007. 321 с.
13. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС, 2004. 232 с.
14. Васляева Е.В. Об основных аспектах картины мира в калмыцком языке (на материале эпоса «Джангар») // Материалы Северо-Кавказской

региональной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива – 2001» Нальчик, 2001. Т.1. С. 33.

15. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Наука, 1990. 1038 с.

16. Вержбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

17. Вержбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека. // Вопросы языкознания. 2000. Вып. 6. С. 33 – 38.

18. Вержбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. Вып. 2. С. 6 – 34.

19. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: ОЛМА Медиа Групп, 1994. 75 с.

20. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Монография. Под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. Волгоград: ВолГУ, 2003. 400 с.

21. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1996. 170 с.

22. Воротников Ю.Л. Слова и время. М.: Наука, 2003. 167 с.

23. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 54 – 68.

24. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

25. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: общие вопросы. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.

26. Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. М.: URSS, 2007. 88 с.

27. Голубева Е.В. К национально-культурной специфике языковой картины мира // Материалы международной научной конференции «Россия –

Азия: становление и развитие национального самосознания», Улан-Удэ: 2005. С. 125.

28. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1984.
29. Гуревич П.С. Культурология. М.: Знание, 1996. 288 с.
30. Гуревич П.С. Философия человека (лекция 5) // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный научно-практический ж-л социальных и гуманитарных наук. М.: 2006. Вып. 2.
31. Джеммер М. Эволюция понятий образа мира пер. с англ. под ред. Л.И.Пономарева. М.: Наука, 1985. 384 с.
32. Ерофеев Я.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М.: 1825-1853,1982. 320 с.
33. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: ТГУ, 2001. 271 с.
34. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мирь, 2010. 240 с.
35. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: 2002. 477 с.
36. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. Москва, Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2003. 9 с.
37. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
38. Касевич В.Б. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: 2001. 38 с.
39. Колева Д. Культурологические идеи. Социальная и культурная динамика. Киев: София, 1993. 76 с.
40. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
41. Корнеева Т.А. О роли стереотипов и предрассудков в процессе межкультурной коммуникации // Культурология, культура и искусство в

современном российском социуме: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Культурология в социальном измерении. Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2008. Т.1. С. 50 – 56.

42. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

43. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.

44. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». М.: 2012. Вып. 3. С. 47 – 50.

45. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 245 с.

46. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

47. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск, 2006. 392 с.

48. Кучмаева И.К. Культура как способ общения // Труды ГАСК. М.: Мир культуры, 2000. Вып. 2. С. 3 – 7.

49. Ларина Т.В., Озюменко В.И. Отражение английского коммуникативного поведения в художественном тексте // Человек. Язык. Искусство. Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МПГУ, 2001. С. 126 – 129.

50. Ларина Т.В. Сквернословия в английской коммуникации // Социальные варианты языка: Материалы международной научной конференции 25–26 апреля 2002 года. Нижний Новгород: НГЛУ, 2002. С. 90 – 93.

51. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Либроком, 2014. 216 с.

52. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997. С. 280 – 287.
53. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 279 с.
54. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. М.: Тетрасистемс, 2001. 266 с.
55. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
56. Моль А. Социодинамика культуры. М.: 1973. С. 39.
57. Опарина Е.О., Сандомирская И.И. Фразеология и коллективная культурная идентичность // Profilowanie w jezyku i w tekscie. Lublin: 2003. С. 373 – 379.
58. Осипов В. Британия шестидесятых. М.: 1987. 208 с.
59. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия). СПб.: 2001. 497 с.
60. Пищальникова В.А. Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. М.: 2000. С. 189 – 190.
61. Пожидаева Е.В. Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка) // Вестник Костромского гос. ун-та им.Н.А. Некрасова. Кострома: 2012. Т.18. Вып. 5. С. 84 – 87.
62. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 415 с.
63. Попова З.Д., Стернин И.А. Языковое сознание и другие виды сознания // Язык. История. Культура. Кемерово: Комп. «Графика», 2003. С. 17 – 21.

64. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
65. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М.: Наука, 1998.
66. Радченко О.А. Язык как мирозидание. М.: Едиториал УРСС, 2005. 312 с.
67. Розенталь Д. Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М.: Рольф, Айрис-пресс, 1998. 576 с.
68. Сепир Э., Боас Ф., Уорф Б. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс – Универс», 1993. 123 с.
69. Серебренников Б.Л. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 87 – 88.
70. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 252 с.
71. Сорокин Ю.А. Этнопсихоллингвистика, М.: Наука, 1988. 192 с.
72. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: 1985. 335 с.
73. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: 1998. 784 с.
74. Ступин Л.П., Игнатъев К.С. Современный английский речевой этикет. М.: 1980. 143 с.
75. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
76. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 263 с.
77. Тернопол Т.В. Бытие в языке. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. 343 с.

78. Тесленко М.А. «Концепт». Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Академия, 2005. 483 с.
79. Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. 1980. Вып. 6. С. 47 – 50.
80. Убийко В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка. Одесса: 2004. 40 с.
81. Федоров М.А. Принципы системного подхода в определении понятий «культура», «концепт» и «язык». Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 104 с.
82. Федоров М.А. Язык как феномен культуры // Вестник Иркутского гос. тех. ун-та. 2013. Вып. 6. С. 291 – 295.
83. Чавчавадзе Н.З. Человек – культура – ценности. // Вопросы философии. М.: 1981. Вып. 6. С. 66.
84. Чернышев С.В. Стереотипы об Англии // Филология и лингвистика. 2016. Вып. 2. С. 39 – 42.
85. Широносова В.С. О некоторых способах вербализации национально компонента языковой картины мира (на материале австралийской баллады) // Иностранные языки. Герценовские чтения: Материалы всероссийской межвузовской научной конференции, 23–24 апреля 2012 г. СПб.: издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 186 – 188.
86. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 202 с.
87. Юзефович Н.Г. Картины мира: лингвокультурологический аспект // Индустрия перевода. 2013. Вып. 1. С. 363 – 368.
88. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
89. Cheepen C., Monaghan J. Spoken English: a practical guide. London and New York: Printer Publishers, 1990. 215 p.
90. Gelman S.A., Legare C.H. Concepts and Folk Theories. Michigan: University of Michigan, 2011. 137 p.

91. Goldstein J.H. Handbook of Humor Research. New York, Berlin, Heidelberg, Tokyo: Springer-Verlag, 1983. 251 p.
92. Gudykunst W., Ting-Toomey S. Culture and Interpersonal Communication. Beverly Hills CA: Sage Series. Sage Publications, 1990.
93. Hall E.T. Beyond Culture. Garden City; New York: Anchor Press, 1976. 256 p.
94. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills CA: Sage Publications, 1984.
95. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. 2nd edition. London and New York: Longman, 1994.
96. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. 427 p.
97. Lewis D.R. "When Cultures Collide: Leading across Cultures". Nicholas Brealey International: 1996.
98. Mahon B.Z., Caramazza A. Concepts and Categories: A Cognitive Neuropsychological Perspective. Massachusetts: Harvard University, 2008. 227 p.
99. Rosch E. Principles of categorization. // Cognition and Categorization. New Jersey: Lawrence Erlbaum Publishers, 1978. P. 23 – 37.
100. Satō S. Bunka, Kotoba, Kyōiku (Culture, Words, Education). Tokyo: Akashi Shoten, 2008. 68 p.
101. Sifianou M. Politeness phenomena in English and Greece. Oxford University Press, 1992. 254 p.
102. Steinthal H. Grammatik, Logik, Psychologie. Berlin: 1855. 331 p.
103. Triandis R.C. Culture and social behavior. New York: McGraw-Hill, 1994. 171 p.
104. Whitney W.D. Oriental and Linguistic Studies. Massachusetts: 1874. 274 p.
105. Wodak R. et al. The discursive construction of national identity. 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2009. 276 p.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
О.В. Магировская
2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ
МИРА В РОМАНАХ Т. ПРАТЧЕТТА

Магистрант

М.С. Макарова

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
Ю.И. Детинко

Нормоконтролер

О.Н. Варламова

Красноярск 2017